

ФЭНТЕЗИ-БЕСТСЕЛЛЕР

Франциска Вудворт • Екатерина Васина

ФЭНТЕЗИ-БЕСТСЕЛЛЕР

Франциска Вудворт • Екатерина Васина

ПИКАНТНАЯ
ОШИБКА

Издательство АСТ
Москва

Глава 1

Радислава

Никогда еще в мою честь не устраивали такие праздники. Гуляла вся деревня. Столы накрыли прямо на главной улице, поставили шатры на случай дождя. Но погода выдалась как по заказу: безветренная и теплая. В летнем воздухе раздавался гул шмелей и всех наших сельчан. Причем неизвестно, чей был сильнее.

— Радка! Вот же какая у нас девка-то выросла! Ведьма!

Я дернулась от вопля над ухом. И едва успела увернуться от медвежьих объятий Селима. Странно слышать, что «ведьма» он произнес не как обычно, с подвыванием и злостью, а даже с капелькой восхищения. От неожиданности хлебнула еще домашнего вина прямо из кружки.

— Обниматься не надо, — сообщила строго.

Селим тут же убрал руки и закивал.

— Га-га-га, — согласился печальный гусь за его спиной.

Я покосилась на него чуть виновато. Птица-то ни при чем, это меня за язык дернуло пожелать Селиму: «Гусь тебе товарищ!» Ну вот и... ходит теперь птичка за моим соседом, дружбы жаждет. Причем самое жуткое в том, что Селим его ж и ощипать пытался, и голову срубить. Только птичка из рук выскальзывает, как по волшебству, топор сразу тупым становится. В общем, одно слово — ведьма!

Снова немного выпила и подперла подбородок. Заодно осмотрела всех вокруг. Веселятся. Такие милые и вовсе не злые. Коварное вино тетушки Миреллы постепенно делало свое дело. Я все больше убеждалась в том, что мои од-

носельчане невероятно добрые и милые люди! Они сами! Сами отправили бумаги в Академию Асдора, чтобы меня приняли на ведьмовской факультет, который открылся там в этом году. Они даже — подумать только — собрали деньги на обучение! Даже скупой старик Влас и тот отстегнул хорошую сумму. Эх, зря ему тогда ячмени на оба глаза пожелала, когда он пытался за мной в бане подсмотреть. Надо будет найти, как их вывести. А то ж ходит, бедняга, кривится.

— Радочка, — прошебетала мама, — а что ты не ешь ничего? Смотри, какие блинчики, да с начинками! Как ты любишь!

И подвинула ко мне расписное блюдо. А к блинчикам предложила и фаршированные яйца, и рыбу на углях. Все мои любимые блюда. А у самой почему-то взгляд чуть виноватый. Может, думает, что я не хочу в академию? Да глупости какие!

Я попробовала все, что предложили. А вино в кружке не заканчивалось, мне постоянно да заботливо подливали.

— Радка, ты у нас такая девка смышленная! — орал дядя Коста, взмахивая кружкой.

Орал он из своего дома, высунувшись в окно. А в тон ему из леса за деревней тоскливо ревел медведь. То есть медведица, конечно. Выходить оттуда при таком скоплении народа она не решалась, потому давала о себе знать издалека. Это я в сердцах рявкнула дяде Косте: «Чтоб тебя медведи всю жизнь любили!» Ну вот... любят. Помнится, после этого он из окна орал мне вслед совсем другие слова. Понимаю и не обижаюсь. Я ж не хотела, оно само!

Проводы мои продолжались до полуночи. Когда стемнело, то зажгли фонари вдоль главной улицы. У нас село богатое, староста достал где-то магические светильники. Так что мы продолжали плясать, пить и поздравлять меня, будущую адептку столичной академии. Сколько комплиментов я услышала! Душа радовалась! И умная, и красивая, и смышленная, и веселая, и заботливая.

— Парня тебе надо хорошего, — вещала громогласно Марьяна, у которой трое детей, муж и любовник-сосед.

— Работы ей чтоб было много, — присоединилась тетка Рина, у которой волосы отливали зеленью после моей фразы: «Да скорее у тебя волосы зелеными станут, чем я за твоего сына замуж пойду!»

Правда, это случилось как раз тогда, как во мне ведьминский дар стал просыпаться и односельчане еще не поняли, что мои пожелания, идущие от сердца, сбываются. Сейчас уже засватать меня что-то не спешат.

А напутствия все продолжались.

— И учиться хорошо. И чтобы распределение оказалось в большой город, — вклинился чей-то голос.

— Чтоб принц заморский унес далеко-далеко!

— И детишек побольше! — пожелали заботливо, но я услышала и добавленное чуть тише: — Чтобы на дурь времени не оставалось.

— И учителей строгих, но справедливых!

— Радка молодец!

— Радка, давай учись как следует.

Уже ближе к полуночи слово взял староста — дядька Миклош. Огромный и грузный, с роскошными усами и в вечно сдвинутой набок шляпе, он взмахнул кружкой и громко так заговорил. Бас у него знатный. Только рявкнет — быки в обморок падают.

— Ты, Радка, смотри, не посрами деревню нашу! Чтоб наши Васильки на всю страну прогремели! И никто больше не смел название перевернуть. Верни нам былую славу!

Название — это большая тема нашего старосты. Поговаривают, что еще при его деде сама королева, тогда еще принцесса, которая ехала со свитой на свадьбу, остановилась в нашей деревне, замороженная цветением васильков на лугах, и приказала набрать ей букет цветов. До этого мы именовались Волчьей Балкой вроде, но после визита королевы тогдашний староста решил переименовать нас в Васильки, в память о том событии, и сильно этим гордился. В городской управе это одобрили, и одно время к нам даже народу много ездило посмотреть на те самые луга, мимо которых даже королева спокойно проехать не смогла.

От этого дела наши пошли на лад, и деревня быстро приросла новыми домами.

Соседние деревни нам страшно завидовали. Это вам не Лопухино с их лопухами, и не Дубрава, коих по всей стране десятка три наберется. Васильки — звучит гордо! Девки наши в волосы ленты васильковые вплетают, коням в гриву заплетают, да женихам кушаки васильковыми нитками вышивают. Селяне из Васильков всегда ходили с гордо поднятой головой. До недавнего времени.

Несколько лет назад на караван купцов, что везли товар на ярмарку, напали разбойники. Охрана у них оказалась хорошая, лиходеев кого убили, а кого повязали и повезли в город сдавать страже.

Надо же было случиться такому несчастью, что те попытались бежать аккурат перед нашей деревней. Их словили и, чтобы не гоняться больше за ними, повесили прямо на краю леса.

Стража потом приехала, тела сняли, опознали как давно разыскиваемых. И все бы хорошо, но теперь завистники стали нашу деревню называть Висельниками. Парни наши за такое бока многим намяли, да на каждый роток не повесишь замок.

Вот теперь дядька Миклош и радуется, чтобы я вновь прославила Васильки, напомнив об их гордом звучании.

— Я постараюсь! — зарделась я от такой возлагаемой ответственности.

Веселье продолжилось. Я столько хорошего о себе услышала, сколько за всю жизнь не слыхала. Ведь как дар ведьминский просыпаться стал, люди быстро смекнули, что пожелания мои, сказанные в сердцах, сбываются. Вначале ругаться приходили, кричали обидные слова, но так еще сильнее меня обижали. И получали, я долго молчать и терпеть не могла.

А когда поняли, что отменить сказанное я не могу, стали сторониться и обходить десятой дорогой. Вначале я вздохнула спокойно, а потом загрустила. Ведь это не только сварливые бабы и мужики меня в покое оставили, но и на посиделки молодежь звать перестала. А стоило самой прийти, как все тут же расходилось.

А после того как я крикнула вслед бывшим друзьям и подругам: «Да и катитесь колбаской домой!» — они все как один споткнулись и покатались под пригорок. Кто через лопухи, а кто и через крапиву, не разбирая дороги, до самого дома.

Если учесть, что на посиделки наряжались, а после такого способа передвижения все домой явились в пыли и порванной одежде, меня еще пуще невзлюбили, а посиделки вечерние на время отменили.

Вот и хорошо, мне не так обидно хотя бы! Но скучно жить вечерами стало. Так что я возможности уехать учиться в самую академию очень обрадовалась.

И когда каждый мне доброе слово в напутствие сказать старался, совсем расчувствовалась. Я ведь даже не догадывалась, что меня все так любят! Они такие хорошие.

«Может, и не надо мне никуда уезжать?» — мелькнула мысль. Молодое вино сыграло со мной злую шутку, и я эту умную мысль сказала вслух.

Музыка смолкла с каким-то пронзительным звуком, разговоры стихли и повисла тишина. Окружающие лица испуганно вытянулись, у некоторых некрасиво отвисли челюсти, а у тетки Мотри, которая славилась своим длинным языком и была первой сплетницей на деревне, он прямо изо рта вывалился, показывая раздвоенный кончик. Просто это я в сердцах как-то сказала, что язык у нее змеиный. И вот — раздвоился.

— Ну, вы же всегда говорили, что с нашими Васильками даже столица не сравнится, дома всегда лучше, — виновато сказала я дядьке Миклошу. Он же на меня так надеялся.

Но я смотрела на знакомые лица и понимала, что если уже грустно со всеми расставаться, это же как я тосковать потом по дому буду!

Тетке Мотре залетела муха в рот, и она натужно закашлялась, отплевываясь. А еще стала очерчивать себя знаками, отводящими беду.

— Слишком ты умная, Радка! — крикнул староста. — Это надо обдумать.

А что за раздумья без хмельного вина? Мне и наполнили полную кружку.

— Понимаешь, Радка, учиться тебе надо. Все мы видим, что сила в тебе великая таится. Давай за нее! — сказал он тост, вынуждая выпить до дна.

Да и как не выпить, коли и все закричали: «За великую ведьму!»

В голове зашумело. Я и так выпила немало, а целая кружка махом и до дна стала для меня пределом. В глазах начало двоиться. Я нахмурилась, стараясь свести двух старост в одного, а дядька Миклош почему-то решил, что я гневаюсь, и зачистил:

— Мы же тебя не гоним... Посмотришь столицу, нам о чудесах тамошних расскажешь потом... Подарки родным привезешь... А вдруг еще и жениха встретишь!

— За жениха хорошего! — тут же кто-то крикнул тост, и мне услужливо в кружку вина подлили.

Я хоть замуж пока и не спешила, но кто же в здравом уме от жениха хорошего отказывается. Пришлось пить.

А дальше все помню урывками. Перед глазами хоровод лиц, потом заботливое и чуть виноватое мамино, звезды и темнота...

Глава 2

Надо мной медленно проплывала каменная арка. Большая, очень древняя. На всякий случай я моргнула несколько раз, но видение не исчезло. К тому же шум вокруг давал понять, что уже не сплю. Последнее, что помню: я пытаюсь залезть на стол для очередной речи. На этом воспоминания обрывались.

Арка закончилась, в глаза ударило солнце, такое яркое, что я зажмурилась и расчихалась. В голове тут же обрадованно загудело. Ой не стоило так хлестать вино. Ой не стоило! Я хоть, как ведьма, к похмелью не склонна, но все равно сейчас почувствовала на плечах вместо головы хороший такой чугунный котел. Кое-как приподнялась на локтях и поняла, что передо мной знакомая спина в не менее знакомой синей рубашке. На ней уже успели просту-

пить пятна пота. Отец надевал ее, когда выезжал в город по торжественному поводу. И всегда ругался, что в ней жарко. Но продолжал надевать.

— Кхе... кхе... — Я откашлялась, а спина ощутимо напруглась. — Папуль, что... где... какого лысого порося тут происходит?

— Доча! — обрадовался родитель, не оборачиваясь. — Проснулась уже? Как состояние? Рассольчику будешь? Я тут с собой прихватил. Ну и зелье то, что ты состряпала мне неделю назад, помнишь?

— Помню, — ответила мрачно. — Давай.

Зелье я делала по наитию, исходя из рассказов бабушки Наори. Ну и прислушиваясь к ведьминской интуиции. Отцу давать не хотела, подумывала провести испытания на особо вредном соседе. Но папуля решил по-своему. От похмелья после праздника урожая излечился и даже обнял меня. Так, что ребра заныли.

После рассола и зелья жизнь сразу стала гораздо лучше. Теперь я смогла осознать, что мы едем, и в подробностях разглядеть где.

Вокруг тут и там виднелись аккуратно подстриженные деревья, все по-весеннему цветущие, яркие. Между ними — светлые каменные дороги, по которым две повозки свободно пройдут, не застрянут (у нас в деревне такая дорога одна, называется Главной). Мы же ехали по центральному проезду, по обеим сторонам которого стояли огромные статуи. Думаю, я бы с легкостью могла посидеть на руке у таких гигантов.

А впереди выросло Здание. Вот так, с большой буквы. Огромное, высокое, точно стремится заслонить собой солнце. Светло-серые и темные камни выглядели так, словно им очень и очень много лет. Большие окна, а над ними — каменные горгульи. Я пискнула от неожиданности, когда одна такая каменюка вдруг сорвалась и с жутким скрежетом расправила крылья. После чего улетела вверх.

— Па-па-папуля... — Что-то я начала заикаться, как тот белобрысый дурак Тимоня, который караулил меня в кустах и щипал за бок.

— Чего?

— Так я это, так я того... — У меня дар речи стал как у дурочки. — Мне ж не того... Да чтоб вас приподняло и!..

Колесо повозки тут же въехало в не пойми откуда взявшийся бугорок, и отец подпрыгнул. Где-то сухо прогремел гром, одна из статуй поблизости опасно закачалась, а я зажала рот обеими руками и пригнула голову.

— Язык свой черный придержи, — посоветовал родитель. — Чего хотела?

— В академию не хочу! — заныла я. — Меня-то в деревне все любят, оказывается. А тут чего делать?

— Деревню нашу прославлять, — не растерялся отец. — Ты ж ведьма, пусть и не потомственная, но выбранная другой ведьмой для передачи дара. Так покажи там всем, чтобы слава о наших Васильках по всему Асдору пошла.

Потом помолчал немного и добавил:

— Хорошая слава, Радка, поняла меня?

Я торопливо закивала, как-то забыв тот момент, что родитель сидит ко мне спиной. Но он-то меня знал, так что движение угадал. И добавил уже веселее:

— Ты себя в порядок пока приведи. Я там тебе сумку бросил с вещами твоими. Мать положила платье твое нарядное, гребень любимый и бусы.

— Бусы! — передразнила я. — А травы мои?

— А в травах мы с матерью не разбираемся, — отрезал отец. — Новых насобираешь. Давай в зеркальце-то поглядишь, не...

— ...позорь Васильки, — уныло закончила я фразу, одновременно развязывая мешок. Вышитый васильками, конечно же. С тех пор как приезжающих гостей стало меньше, продукцию сувенирную покупать не спешили. Так что мы постепенно растащили ее по домам.

Переодеваться пришлось в задней части нашей крытой повозки. Платье мне мама сшила сама, ткань купила на ежегодной ярмарке. Ярко-зеленую и тонкую, мягкую. Я это платье один раз-то всего и надела, когда примеряла. А потом мне сказали, что нечего такую красоту таскать, и спрятали до лучших времен.

Похоже, они, лучшие-то времена, настали.

Я заглянула в сумку и с разочарованием убедилась, что отец не соврал, кроме сменного белья и платья там больше ничего не было. Взгляд упал на узелок, и сердце радостно трепыхнулось: неужто мать додумалась положить мои травы и заготовки, ведь ведьма без снадобий, что воин без оружия. Но нет — лишь заботливо завернутые пироги и кувшин с квасом. Непонятно, то ли мне, то ли отцу на обратную дорогу перекусить приготовлено. Как бы то ни было, я взяла один пирожок и, жуя, полезла обратно.

— Папуль, а мы где? — задала насущный вопрос, так как мы уже подъехали к парадному входу величественного здания.

— В академии.

— Ик... — поплохело мне.

Я как-то надеялась смягчить его, а если не удастся, тихонько смыться и самой вернуться домой. Как-то слишком поспешно меня в академию проводили. Огорошили известием, тут же столы накрыли, а на следующий день я уже здесь. Не, по сути, я не против, но если уж начинать учиться, то явно не имея с собой одно исподнее белье, гребень и бусы. Зря я, что ли, запасы трав и зелий делала?

Хитрит отец, ох хитрит. Зуб даю, что пока меня нет, будут потихоньку торговать тем, что я запасла. Не зря они младшую сестру Аринку ко мне подослали. То-то она крутилась рядом со мной все время, перебирая склянки и спрашивая, какое зелье и для чего.

Оглянулась, и увиденное не порадовало: академию опоясывал высоченный забор. Не перебраться, если не выпустят. За столом вчера поговаривали, что эти стены даже когда-то императорские войска штурмом брали во время учений, и то им понадобился почти целый день. А мне, слабой ведьмочке, с императорской гвардией не тягаться.

— Нас что, прямо так сюда и пропустили?! — подивилась я.

— Не пуцали поначалу, дык я сказал, что ты в дороге умаялась, больно крепко спишь. Если не пропустят тебя на учебу сдать, обратно увезу. Мне попусту торчать у ворот

некогда. Тебя и пробуждающим заклинанием один пришедший из академии магистр будил, не добудился. Но ведьм нынче недобор, он и махнул рукой, разрешил, чтобы заехали, под его ответственность.

Ох, надеюсь, неизвестного мне магистра волной вчерашних возлияний от меня с ног не сбило. А то, что заклинание не подействовало сразу, так я же ведьма, у нас природная защита. Что-то как с гуся вода слетает, а особо забористое имеет отсроченное действие, есть время убежать или принять меры для защиты.

То-то я очнулась под аркой ворот, когда мы въезжали... Вовремя, кстати. Если бы чуть раньше, то пришлось бы самой по этой длинной аллее плестись.

А вот насчет информации, что ведьмочек недобор, я совсем не удивилась. С даром или рождаются и входят в полную силу уже в зрелом возрасте, или получают его, как я, когда ведьма умирает. Вот и выходит, что не так уж и много ведьм возраста, годного для учения в академии.

В воздухе запахло навозом, рождая в душе тоску по дому. Наша кобыла постаралась, пока стоим. Но вышедший из дверей старичок в белой хламиде моих чувств не разделял.

— Вы с ума сошли! — схватился он за сердце. — Кто вас сюда пустил?! Это академия, а не базарная площадь!

— Дык я ведьму привез! — приосанился отец.

На меня даже не посмотрели, продолжая яриться:

— Да сюда на лошади к главному входу даже император не подъезжает! Каждый должен эту аллею, символизирующую дорогу к знаниям, сам пешком пройти. А вы ее навозом удобряете, — расстроено качал он головой.

Ну не знаю, навоз еще никому не повредил. Но вот старичка стало жалко.

— Уважаемый, укажите, куда нам лошадь пристроить, чтобы она не оскорбляла ваш взор? — спросила я. А то, чувствую, наша кобыла не только удобрит их аллею, но еще и оросит.

— Вашу только на живодерню! А повозку отгоните туда, — указал направо. — Езжайте на задний двор, там в столовую доставляют продукты, увидите дорогу. По ней

через другие ворота выедете. А ведьм, деточка, проверяют в третьем кабинете на первом этаже этого корпуса.

— Нас еще и проверяют? — удивилась я, радуясь, что успела прикусить язык и не послать его самого на живодерню. Но за кобылу все же было обидно.

— Конечно, милочка! А то любая бы бродяжка пришла, назвалась ведьмой и получай крышу над головой, еду и стипендию.

— Так за учебу еще и платят?! — Я округлила глаза от удивления.

— По указу императора, три месяца до первых испытаний, а потом стипендия остается лишь тем, у кого хорошие оценки.

— А я слышала, что, наоборот, за учебу нужно вперед платить.

Стрельнула глазами в папеньку. Я же хорошо помню, как вчера говорили, что вся деревня скинулась на мое обучение.

— Ой, насмешили! Где же таким, как вы, деньги на лучшую академию взять? Если бы не эксперимент нашего императора насчет обучения ведьм, любовались бы вы, милочки, стенами этой академии лишь издали. Все, не отнимайте больше мое время. Убирайте эту рухлядь отсюда!

— Иди, доченька, учись. Видишь, не ко двору я здесь, — попытался распрощаться со мной отец.

Ага, вот прямо и побежала!

— Что вы, папенька, я вас провожу. Езжайте, я с вами пока, — сладким тоном ответила я.

— Да чего ж тебе возвращаться? Иди. Тебе ж сюда сейчас.

— Да как же я пойду, не попрощавшись?

— Да мы вчера весь вечер прощались. Иди, дитя.

— Нет. Как же я уйду, не получив и не сказав напутственных слов? — не уступала я.

Не знаю, то ли моя неприкрытая угроза в последних словах сработала, то ли гневный окрик магистра, чтобы мы убрались поскорее, но он все же хлестнул лошадь, и мы направились в объезд помпезного строения.

— Значит, на обучение всеми силами собирали? Что же я в узелке ни монеты не увидела? — похлеще разъ-